

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон...

М. Ю. Лермонтов
«Предсказание», 1830

Глава 1

ВОЙНА

На германском фронте после первых успехов русских войск наступило неустойчивое равновесие фронтов. Да по-другому и быть не могло, с начала века появились новые виды оружия. Тот же Хайрем Максим снабдил воюющие стороны пулеметами, этими косами смерти. Сколько атак захлебнулось, едва солдаты выбрались из траншей! Два-три пулемета вполне могли сорвать наступление батальона. А еще появились бронированные монстры. На Западном фронте англичане применили танки, которых у немцев не было. Против них пулеметы бессильны. Немцы в панике бежали. У всех воюющих армий сразу появились броневики. Казалось — найден легкий выход. На шасси грузовика поставить бронированную коробку и вооружить пулеметом, а то и двумя. Да не вышло виктории. У броневиков проходимость по полю боя скверная — воронки от снарядов, траншеи, окопы, грязь после дождя. И с танками они бороться не могут, пушка нужна.

Потому воюющие армии закопались в землю. Блиндажи, траншеи, окопы, да зачастую с бревенчатыми накатами. А перед передовыми позициями колючая проволока, от одного до пяти рядов. Попробуй,

пехотинец, их преодолеть! Однако позиционная война на ни одной стороне преимуществ не давала. Воюющие стороны стали применять массированные артиллерийские обстрелы неприятеля, причем на ведущее место вышли гаубицы крупного калибра, которых в русской армии остро не хватало. Да еще немецкий рейхсвер применил впервые в новейшей истории химическое оружие — газообразный хлор и иприт. Сначала на французских позициях — реке Ипр, потом хлор у русской крепости Осовец.

Стратегия генералов, закончивших академии и военные училища, не поспевала за развитием техники и технологий. Кто мог предполагать еще несколько лет назад применение авиации всеми сторонами? Первоначально использовали самолеты и дирижабли для разведки. Когда пилоты противоборствующих сторон встречались в воздухе, падали друг в друга из пистолетов. Довольно быстро на аэропланы установили пулеметы, и появилась истребительная авиация. Русский инженер Сикорский сконструировал еще перед войной многомоторный самолет «Илья Муромец» и приспособил его под военные нужды, как бомбардировщик, хотя и слова такого не существовало еще.

Петр Великий еще в начале восемнадцатого века пригласил в страну иноземцев, сведущих в морских, воинских делах, а также в производстве. Многие переселились — немцы, голландцы, шведы, да всех не перечесать. Мирно жили, приняли подданство российское. А как война с немцами началась, пошли погромы и фабрик и домов, которыми немцы владели. Да

еще русские монархи в жены брали принцесс немецких. При первых неудачах на фронте слухи поползли — измена в верхах. Дескать — немецкая императрица германским шпионам все замыслы российского Генштаба передает. Хотя не было такого, иначе бы Охранное отделение в курсе было. Либо люди глупые эти слухи распускали, либо иностранные деньги отработывали.

Европа, особенно англичане, спали и видели, как обескровить главных конкурентов — Германию и Россию. Чем больше они друг друга перебьют, тем лучше Британии. У Англии положение лучше, чем у Франции, ее от континента пролив Ла-Манш отделяет. А Соединенные Штаты вообще за океаном и ни одна мировая война до их территории не докатилась. Для американцев любая война выгодна. И в первую мировую промышленность их в полную силу работала, продавала вооружение и боеприпасы, в том числе и России.

Безусловно, германская шпионская сеть в России была. Возглавлял германскую разведку Вальтер Николаи. В России один из центров немецкой разведки располагался в гостинице «Астория». Здесь были штаб-квартира Зигфрида Рая, барона Лерхенфельда и Канцельбогена. Они собирали информацию и переправляли ее в германское посольство в Швеции, откуда она попадала в фатерланд.

Многие компании и заводы в России принадлежали немцам, либо владели акционеры, а управляющим был немец. Как пример — компания «Сименс и Хальске», «Сименс Шуккерт», «АЕГ» были рус-

скими филиалами немецких фирм. Делали электрооборудование, в том числе электродвигатели для кораблей и подводных лодок Российской империи. Германская компания «Книп и Вернер» имела филиал в Риге, и ее директор Рудольф Цизе передавал головной компании все планы о работе на верфи.

Российско-американская компания «Треугольник» и обувная фабрика «Скороход» принадлежали немцам. Заводы открыто поставляли через Швецию в Германию шины, резиновые изделия, обувь. Немцы владели контрольными пакетами акций или были управляющими во многих банках.

Внешнеторговый, Сибирский, Петроградский международный, Дисконтный, Азово-Донской. Банкам на правах собственности принадлежали крупные заводы — Коломенский, Исетский, Сормовский, многие шахты. И банкиры тормозили финансирование, как могли. Хуже того, начали спекулятивные сделки с продовольствием. Скупали крупные партии подешевле, взвинчивали цены и поставляли на оптовые склады. Либо поставляли окольными путями продовольствие в Германию. Высокие цены вызывали недовольство населения, зрели бунты, недовольство властью. Мало того, поражения русской армии весной и летом 1915 года, потери значительных по площади и населению территорий вызывало недовольство в среде буржуазии.

А еще почти все революционно настроенные до начала войны партии раскололись. Например, эсеры, прежде идейные и непримиримые враги царизма, стояли за продолжение войны до победного

конца, на время военных действий прекратили всяческие действия против царя и государственного аппарата. Напротив, большевики провозгласили лозунг «За превращение войны империалистической в гражданскую!». Либералы пугали всех надвигающейся революцией, но боялись ее и старались не допустить.

Царь же делал шаги непродуманные, во многом по советам своего окружения. Например — распустил Государственную Думу.

Партия большевиков по численности невелика, к концу 1916 года было всего двадцать четыре тысячи членов. Но сосредоточены они были в Санкт-Петербурге и Москве, самых промышленно развитых городах. Перед началом войны, в 1914 году рабочих было 18 млн 238,9 тыс. человек. С мобилизацией в армию ушли немногим больше 400 тысяч. Нагрузка на оставшихся увеличилась, рабочий день удлинился до 11,5 часа. Рабочие стали получать больше, но инфляция съела покупательную способность рубля.

С началом войны были запрещены стачки, за участие в них установили уголовную ответственность. Активистов судили, а рядовых участников заносили в «черные списки», увольняли, призывали в действующую армию.

Недовольство в тылу было вызвано не только подстрекательством активистов разных партий, но и реально ухудшившимся снабжением. После первого года войны потребление упало на 25 %, на второй год на 43 %. Покупательная способность рубля за три года войны упала вдвое. Несмотря на указы о запре-

те стачек с 1914 года по конец 1916-го произошло 5794 стачки, но из них с политическими требованиями 1904, треть. Народ хотел хлеба, ему было не до политических игр.

Труднее всего пришлось селу. Рабочие на заводах имели бронь от призыва. Забери их — и все военное производство встанет. В армию мобилизовывали сельских мужиков. Привыкшие к тяготам, они составляли костяк армии. Малограмотные, с трудом осваивающие воинские специальности, требующие знаний на уровне хотя бы начальной школы — артиллеристов, механиков. А уже флотские специальности зачастую требовали хотя бы семи классов — дальномерщики, наводчики, торпедисты, турбинисты машинных отделений. Без мужиков урожай упали, усугубив продовольственную ситуацию. До войны Российская империя успешно торговала зерном, пенькой, медом, лесом на зарубежных рынках. С 1915 года нуждалась в этих товарах сама. Правительство не сидело сложа руки. Делегации посещали Англию, Францию, Соединенные Штаты, делали заказы на порох и взрывчатые вещества, винтовки и пулеметы, грузовики, броневики, пушки, корабли и артиллерию. Европейцы и американцы золото российское брали охотно, но заказы выполнять не торопились. В первую очередь выполняли заказы для своих армий. А когда в России грянула февральская революция, поставки затормозили, после большевистского переворота их заморозили вовсе, но золото не вернули. Десятки и сотни тонн растворились в банковских хранилищах.

Для Охранного отделения служба в чем-то стала проще и легче, в чем-то труднее. Одно то, что самая многочисленная и боевая партия эсеров на время войны прекратила политическую борьбу, покушения на чиновников, экспроприации, уже сняло много забот. Часть большевиков с мобилизацией ушла на фронт, но оставшиеся вели активную подрывную деятельность. Преувеличивали мнимые и реальные ошибки правительства и военного министерства, нагнетая обстановку в столице и крупных городах. Их соратники на фронте разлагали солдат. Обещаний со стороны большевиков было много. Для селян главный вопрос о земле. Народ простой, легковерный, на пустые обещания купились, пошли под знамена большевиков и были жестоко обмануты. Но это позже.

А вот немцы, работавшие в стране легально, сильно усложняли жизнь. Чтобы их арестовать и выслать, требовались серьезные доказательства вины. Если завербованную агентуру немецкой разведки еще можно было поймать на «горячем», то сами резиденты вели себя осторожно. У Германии был Вальтер Николаи и сеть разведывательных школ, чего не было еще в Российской империи. Сотрудники Охранного отделения из бывших армейских офицеров, прошедшие краткосрочные курсы. Училищ по подготовке контрразведчиков не было, хотя потребность была великая. Вся тяжесть борьбы с германской агентурой легла на Охранное отделение, Отдельный корпус жандармов, полицию. Даже в армии не было структуры контрразведки. Как итог — ни кадров, ни канцелярии, ни структуры, ни денег. Получалось — драка

растопыренными пальцами против опытного кулачного бойца.

Первого немецкого шпиона Матвей арестовал в феврале 1915 года. Оказался русским, завербованным немцами, предал родину за деньги, как Иуда Христа. Вышел на него Матвей случайно. По служебным делам был на Адмиралтейских верфях. Обратил на себя внимание человек. Мужчина средних лет, судя по одежде, не рабочий, а служащий. В сухом доке стояла на ремонте подводная лодка. Они были еще не совершенные, практически ныряющие, поскольку долго находиться в подводном положении не могли. Тем не менее имели на борту торпеды, оружие грозное даже против больших кораблей. Мужчина воровато оглянулся, прошелся от носа лодки до кормы, причем не прогулочным шагом, а явно измеряя длину субмарины. Матвею поведение мужчины показалось подозрительным. Если он имеет допуск к работам, у него есть чертежи, зачем тогда измерять? Выходит — либо посторонний, либо из сотрудников, не имевших допуск к чертежам. На верфи вполне могли попасть не сотрудники. Проходили по пропускам поставщики комплектующих, представители некоторых государственных организаций.

Матвей решил проследить за гражданином. Филеров вызывать — так они явно не успеют, придется самому. Благо — он в гражданской одежде. Жандармская униформа привлекает излишнее внимание, Матвей старался ее лишней раз не надевать. Следил, держась на расстоянии. Да мужчина и не проверялся, ни разу не обернулся. Обычно, чтобы не показать,

что опасается «хвоста», объект делает вид, что завязывает развязавшийся шнурок на ботинке. Тогда полуборот назад естественно выглядит. Женщины же смотрятся в карманное зеркальце. Кто заподозрит в чем-то предосудительном даму, которая проверяет — в порядке ли макияж? Не размазалась ли губная помада, не растрепал ли ветер волосы? А этот, с верфи, шел как ледокол. И прямым ходом в гостиницу «Астория». Для Матвея не секрет, что там гнездо немецкой разведки. Только человек уж совсем наивный или глупый прямиком пойдет в немецкое посольство. Тем более, с началом войны сотрудники посольства уехали через нейтральную страну, в данном случае в Швецию. Снаружи охрану посольства несла русская полиция. Аналогично поступили немцы. Все же тогда еще действовали традиции и неписанные правила. Перед началом войны страна-агрессор вручала ноту за три дня, давая время вывезти дипломатов, завершить какие-то срочные дела. Позже Гитлер презрел все традиции, его примеру последовали другие.

Ждать объект пришлось около получаса. В центре города укрыться от внимательных взглядов негде. В Санкт-Петербурге стена одного дома примыкает к другому. Ни деревьев, ни лавочек. Фланировал неспешно в сотне метров. Опасался, как бы ни упустить объект. Кто знает, на какие заводы и фабрики имеет доступ этот тип. Даже если сведения его незначительны, то вкуче с данными других могут дать полную картину. Как говорится — курочка по зернышку клюет и сыта бывает.